

МИХАИЛ ЖИЛИН

ЭХО ВОЙНЫ

В ПОТОКЕ экскурсантов мы шли с другом от форта к форту по каменным плитам Брестской крепости. Оплывшие от огня камни, обугленные кирпичные стены, изуродованные взрывами казематы - каждый метр этой цитадели дышит стойкостью и мужеством её защитников. На рассвете 22 июня 1941 года гарнизон крепости первым встретил вероломное нападение гитлеровских захватчиков и проявил необыкновенную стойкость и мужество.

Фашисты рассчитывали к полдню овладеть крепостью. Но встретили героическое сопротивление воинов. Спустя месяц, когда линия фронта отодвинулась далеко от Бреста, крепость всё ещё защищалась. Рушились стены под бомбами и снарядами, от огнёмётов плавилась камни, но люди продолжали сражаться. «Умираем, но не сдаёмся!» - такие надписи оставляли они на стенах. Брестская крепость стала символом мужества и героизма советского народа.

Чистое небо во второй половине дня стало хмуриться, с запада надвинулось тёмное крыло тучи, заблестели молнии, загредел гром. «То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны», - вспомнились строки из песни. В этом было что-то мистическое. Мы были в крепости 21 июня – в самый канун знаковой даты войны.

Эхо войны... Оно отзывается в памяти и ветеранов, прошедших огненными вёрстами, и тех, чьё детство опалила война.

Память военного детства. Что хранит она о тех грозных и суровых годах?

ВОЙНА в буквальном смысле постучалась в наш дом.

Ночью раздался резкий стук в дверь. А через несколько минут немцы ворвались в хату.

- Где хозяин? – допытывался немец у матери через переводчика.

- Не знаю,- отвечала мать,- где- то на войне.

Мы, детишки, прижавшись, дрожали на постели от страха.

- Нам известно, что хозяин прячется. Говори, где он?

Каждое слово грубой немецкой речи заставляло нас вздрагивать, как от удара плетью.

Немцы обшарили всю избу. Заглянули под пол. Залезли на чердак. Перевернули всё в сенцах. Ушли, предупредив, чтоб хозяин явился в полицейский участок в соседнюю деревню.

В первый месяц войны наши солдаты, вырываясь из окружения группами и в одиночку, иногда ночевали в деревне. Случалось, немцы устраивали облавы. Женщины, чтобы спасти красноармейцев, говорили, что это их муж или сын. Советских ли воинов искали немцы, или брали на учёт мужчин для угона в Германию, трудно сказать.

Утром к нам зашла соседка. У неё тоже немцы устроили обыск. И тоже искали хозяина. «Двое с переводчиком ушли обыскивать сарай. А один немец, рыжий такой, в веснушках, продолжал обыск в избе, - рассказывала соседка. - Смотрю, он грубо сдёрнул одеяло с детей и бросил на пол. Я не выдержала: «Ты что

хозяйничаешь здесь, рыжая морда?» – возмутилась я. И «огрела» его крепким матом. Думала, он не понимает русского языка. А немец выпучил на меня глаза: «Сама ты морда, – выпалил он. И повторил мой мат. У меня сердце к пяткам опустилось, – рассказывала она, смеясь. – Пусть знает фашист: как поступает, то и получает».

ОДНАЖДЫ мать увидела, как от реки по меже в огороде идёт к хате какой-то человек. Подошёл. Поздоровался. Спросил: есть ли в деревне немцы? Затем попросил: «Покорми, хозяйка. Двое суток ничего не ел». Пока она наливала картофельный суп, рассказал: он лейтенант, часть попала в окружение под Оршей. Ему с товарищами удалось прорваться. Что б не привлечь внимание немцев, решили пробиваться к своим по одиночке, так проще. Но где они, свои, – неизвестно. Линия фронта отодвинулась уже к Смоленску.

- А где хозяин вашего дома? – спрашивает.

= Воюет. А может так же, как и ты, вынужден скитаться где-то, – отвечаю. Только успел съесть несколько ложек супа, как на улице затрещали немецкие мотоциклы. Останавливаются возле хат, доносятся голоса: «Матка, яйки! Матка, яйки!»

Лейтенант мгновенно подхватился из-за стола и выскочил из хаты в сенцы. «Смотрю, два немца направляются уже к нашей хате. Что делать? Сейчас они войдут в сенцы, а там лейтенант. На лавке рядом со мной стоит решето с яйцами. Не раздумывая, хватаю решето и подаю в раскрытое окно, выходящее на улицу. Слышу: гут, гут! Выгребли все яйца и поехали дальше.

Выхожу в сенцы. Лейтенант сидит на пороге с пистолетом наизготовку. «Они уехали», – говорю. Лейтенант поднимается, лицо белое, как полотно.

- Ну и как бы ты поступил, если бы немцы зашли? – спрашиваю его.

- Как? Влупил бы в них пулями. А как иначе?

- Боже ж мой, у меня же дети. Немцы всех нас поубивали бы.

Лейтенант не стал доедать суп, попросил только хлеба. Оврагом спустился к речке и скрылся в кустах».

Вспоминая это, мать говорила: «Сама не понимаю, как я сообразила подать в окно яйца. Знать, Господь Бог надоумил и спас всех нас».

Мне шёл тогда пятый год. Но детская память кое-что запечатлела: незнакомый человек, обедавший у нас, треск немецких мотоциклов и ощущение тревоги в доме.

СЛУЧАЕВ, когда находчивость, смекалка спасали людей от явной гибели, было много. Помню рассказы односельчан, как трое наших бойцов, уходивших от преследования немцев, добежали до кустов у реки и как в воду канули. Немцы с автоматами обшарили кусты – нет никого. Подошли к бане, стоявшей у реки. Дверь в баню была раскрыта. Зашли, обшарили – никого. На чердаке дверь также раскрыта настежь. Вокруг тишина. Немцы походили, но на чердак не полезли: кто там будет прятаться при раскрытой двери? Выпустив из автоматов несколько очередей по кустам, они сели в мотоциклы и уехали из деревни. А на чердаке притаились трое наших солдат с единственной гранатой. Они рассказали потом

сельчанам, что специально оставили раскрытыми двери в баню и на чердаке. Находчивость помогла спастись. Бойцы ушли к партизанам в смоленские леса.

МЫ, ДЕТИ, тогда о многом не знали. Взрослые хранили тайны, чтобы обезопасить нас. Уже после войны мать рассказывала, что однажды двое красноармейцев, пробираясь к своим, переночевали у нас в хате и попросили спрятать винтовку и пистолет. «Всё равно сейчас они бесполезны – нет патронов. Но оружие понадобится. Мы вернёмся за ним». И действительно, месяца через два, вернулись. Ночью раздался стук в дверь. Зашли в избу двое бородатых людей. «Хозяйка, мы оставляли у тебя оружие, сохранилось ли?» «Какое оружие?» - переспрашиваю.- Ни о каком оружии не знаю». Приходилось осторожничать. Случались провокации полицейских. «Помнишь, мы ночевали у тебя?» Но как узнать в обросших людях тех солдат ночлежников? «Не беспокойся, хозяйка, мы свои, партизаны», - говорят пришедшие. – Мы оставили у тебя винтовку и пистолет». Всё совпадает. «Ну что ж, пойдёмте», - говорю. По лестнице забралась на соломенную крышу, где был тайник, вытащила свёрток - завёрнутое в овчину оружие. Они поблагодарили и ушли».

ОСЕНЬЮ, когда выпал первый снег, в нашу хату зашёл незнакомый человек в гражданской потрёпанной одежде. «Ваш хозяин не вернулся ещё? – спросил он. – Ждите, в ближайшие дни должен прийти. Мы вместе бежали из плена под Новгород – Северским Черниговской области. Добрались до городка Чаусы, где было много немцев. У вашего хозяина разболелась нога. Мы вынуждены были для безопасности разойтись и пробираться домой в одиночку».

Незнакомец шёл в свою деревню, которая находилась в шести километрах дальше нашей.

А через несколько дней пришёл отец.

После войны мать воспроизводила нам, повзрослевшим, рассказ отца. Их часть попала в плен. Немцы согнали пленных в огромный, под открытым небом, лагерь, обнесённый колючей проволокой. Днём гоняли под конвоем копать траншеи. На день давали по две-три картофелины и кружку воды. Вот и вся пища. Спали в вырытом окопчике. Осенью начались дожди. Холод и голод. Люди умирали каждый день. Втроём с земляками стали гадать: что делать? Остаться в лагере – погибнем. Решили бежать – будь что будет. Тёмной ночью, когда лил дождь, подползли к колючей проволоке и разрезали её. Выбрав момент, когда ракеты, взлетающие для освещения лагеря, угасли, быстро переползли заграждение. Хорошо, что лил дождь. За ночь успели отойти на значительное расстояние. Днём скрывались в оврагах или кустах, ночью отправлялись дальше. Оголодали совсем. В одной деревушке, уже на белорусской стороне, хозяева дома приютили на ночь. Выставили ужин. Зная, что после голода нельзя много есть, поели чуть-чуть. А третий их товарищ не сдержался, набросился на еду. Ночью он стал корчиться от боли в животе. И умер от заворота кишок.

Как удавалось пробираться по оккупированной земле? Выпросили в одной деревне уздечки для лошадей. Если кто-либо спрашивал, куда идём, говорили:

лошади где-то пасутся, идём искать. Там, где находились немцы, старались обходить стороной. Так от деревни до деревни и шли домой.

Я не помню, как отец уходил на войну. Но я помню, когда он пришёл из плена. Одежда в лохмотьях. Заросшее бородатое лицо. Колючая щетина. Мне он казался стариком. А было отцу в ту пору 41 год.

Отец вернулся с больной ногой. Она время от времени сильно распухла и кровоточила. Линия фронта к этому времени отодвинулась уже к подступам Москвы, и всё внимание немцев было приковано к столице. Наша деревня находилась в глуши. Проезжие дороги тонули в грязи или в глубоком снегу. Не только на машине, но и на лошадях ехать сюда было рискованно. Поэтому в деревню заглядывали в основном полицейские, да и то изредка. Но слухи о положении на фронте как-то доходили. Взрослые в разговорах упоминали города Смоленск, Ярцево, Ельню, Москву, где шли ожесточённые бои. Иногда к отцу заходили какие-то люди из соседних деревень. О чём они говорили, нам, детям, было неизвестно. Да и не всё мы могли тогда осознавать. Но вот в 1943 году, когда мне шёл седьмой год, я уже кое-что понимал из разговоров взрослых. Сентябрьской ночью к нам зашли партизаны. Проснувшись, я слышал их слова: «Смоленск освобождён. Наши вот-вот придут». Партизаны попросили хлеба. «Будьте осторожны, - предупредили они. – Гитлеровцы, отступая, поджигают дома».

К ВЕЧЕРУ в деревне появились немцы. Целый обоз. На телегах, запряжённых лошадьми, с грузом и вооружением. Остановились на ночлег. Зашли в нашу избу. Отец, прикрывшись одеялом, лежал на кровати с распухшей ногой. Немцы подняли одеяло, брезгливо поморщились и, о чём-то переговорив между собой, ушли, не оставшись ночевать в хате. Женщин, встречавших коров с пастбища, они заворачивали к походным кухням чистить картошку. Ходили по домам, забирали у сельчан хлеб, молоко, яйца.

Утром, поймав деревенскую лошадь, заставили мать запрячь телегу и в составе обоза везти их в Горки - районный центр за 20 километров. Дорога была грязная после дождя. Мать проехала километров десять. Немцы остановились на обед. К матери подошёл какой-то деревенский мужчина, разговорились и он посоветовал: пока немцы обедают, быстро разворачивайся и уезжай домой. «Я гнала лошадь, дрожа от страха – боялась погони. Но всё обошлось, немцам, видно, не до меня уже было».

ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ в нашу деревню вошли части Красной Армии. Я хорошо помню это туманное утро, когда по улице проскакали на лошадях всадники в военной форме с винтовками за плечами. Взрослые говорили, что это конная разведка. Следом за ней сплошным потоком двигались наши войска на подводах, машинах и пешком. Они скапливались в начале деревни, где возвышалась церковь. Задымились полевые кухни. Жители угощали солдат, чем могли.

Вдруг началась перестрелка. Оказалось, на околице появился немецкий танк. Говорили, он ехал поджечь деревню. Но встретив советские войска, танк сделал

несколько выстрелов, развернулся и умчался назад – в пяти километрах находилась линия немецкой обороны.

А часа через три над деревней повисли немецкие самолёты. Кто-то крикнул в окно нашей хаты: «Спасайтесь, немцы бомбят». Мать ухватила меня и младшего брата, которому было четыре года, и мы побежали под навес, где лежала солома. По улице в это время верхом на лошадях ехали два лейтенанта. Они тут же спешили, завели лошадей под навес, где мы сидели, а сами забежали в соседнюю хату. Когда стали взрываться бомбы, лошади легли, вытянули шеи и прижались к земле. Мне показалось, что их убило, и я заплакал. Война научила лошадей, как вести при бомбёжке. Рядом с ними лежали и мы в соломе, вздрагивая при каждом взрыве.

Немецкие самолёты летали очень низко. Видно было, как от самолётов отделялись бомбы. Детская память навсегда запечатлела визг падающих бомб, грохот взрывов, чёрные столбы земли, взлетающие в небо, горящие дома, запахи пороха и дыма. Этот грохот настолько вошёл в детскую душу, что до сих пор возвращается во сне. Очевидно поэтому, я не люблю грозу – память переполнена страшными звуками войны.

Немцы сбрасывали не только бомбы, но и небольшие мины, которые взрывались от удара о землю. Строчили пулемёты, расстреливая людей. Отбомбившись, самолёты улетели, оставив горящую деревню.

Из убежищ вылезали люди, собирались семьями, обсуждали последствия бомбёжки. Подошёл, хромая, отец. Когда началась бомбёжка, он был у реки и там спасался в кустах. Пуля чиркнула по ботинку, не задев ногу. Две сестры – 14-ти и 12-ти лет прятались в яме на краю оврага. Кто-то из солдат сказал, что успел землёй затушить загоревшуюся соломенную стреху нашего сарая возле избы. Потери среди войск были в основном в местах скопления солдат и техники. Два брата-сибиряка, воевавшие в разных частях, встретились утром в нашей деревне, а днём один из них погиб от осколков бомбы. Раненых санитары перевязывали, распределяли их по уцелевшим домам.

Опасаясь, что налёт повторится, мы, как и другие семьи, собрав в узлы одежду, ушли за полтора километра от деревни. Нашли яму в овраге, выстлали травой и там остались ночевать. На следующий день самолёты снова бомбили расположение наших войск, но мы только издали видели самолёты и слышали разрывы бомб.

В окопах мы жили до холодов. Собрав одежду и одеяла, к вечеру переселились в избу, она уцелела после бомбёжки. А на следующий день от соседей узнали: утром в наш окоп попал немецкий снаряд. Жизнь человеческая в годы войны висела на волоске и могла оборваться в любой момент.

В ГОСПИТАЛЕ отцу подлечили больную ногу и отправили в Починки Смоленской области на пополнение части. Вскоре их отправили на фронт. По пути часть остановилась в деревне Николенке, в шести километрах от нас. Отца отпустили на одну ночь домой. Мне запомнилось, что у него была винтовка и телефонный аппарат в сумке – он был связистом. Утром, поцеловав нас, он ушёл на

фронт и больше мы его не видели. От него пришло всего три письма. Последнее – в канун 1944 года.

После войны на запрос матери из райвоенкомата пришло письмо, в котором сообщалось, что отец «без вести пропал в сентябре 1944 года». Что-то вызывало в ответе сомнение – не могло быть, чтобы отец не написал ни одного письма за восемь месяцев. Став взрослым, и познакомившись с материалами по освобождению Белоруссии, я пришёл к выводу: отец погиб в конце 1943 – начале 1944 гг., когда письма от него перестали приходить. Но где и как?

Только в 2009 году судьба отца прояснилась. В архивных материалах, опубликованных в Интернете Министерством обороны, мой племянник Александр Жилин, работающий главврачом районной больницы в Горках, обнаружил медицинскую карточку военно-полевого госпиталя с фамилией отца. В ней помечено: Жилин Яков Федотович, 757 сп (стрелковый полк), телефонист, проникающее ранение черепа 26 декабря 1943 года, умер 3 января 1944 года. Время рождения и адрес совпадали. Указывалось и место захоронения отца – деревня Альховик Витебской области.

Я побывал в этих местах. Жители рассказывали: здесь была линия фронта, немцы каждый день вели артобстрелы, а самолёты постоянно бомбили расположение наших войск. В райвоенкомате г. Лиозно мне сказали: после войны погибших перезахоронили в братской могиле на окраине районного центра Лиозно. От нашей деревни – километров 80-90. Но весть о погибшем отце дошла только через 65 лет.

В НАШЕЙ ИЗБЕ зимой 1943-1944гг. размещался штаб полка. Рядом с постройками была расчищена площадка от снега и обсажена ёлками. Здесь принимали присягу новобранцы. Нам, ребяташкам, интересно было наблюдать, как это происходило. Под музыку оркестра выносили Красное знамя полка. Молодые солдаты маршировали на плацу, принимали присягу на верность Родине, клялись самоотверженно сражаться с врагом. Прямо с плаца уходили они на переднюю линию фронта. Женщины говорили: «Они же ещё необученные, куда им воевать?».

Днём к офицерам штаба приходили солдаты с донесениями. Офицеры весь день писали какие-то бумаги за столом. Мне нравилось смотреть, как на белые или желтоватые листы ложились ровные строчки букв. «Не мешай дядям, они работают,- говорила мать».- «Ничего, пусть учится. Вырастет – писарем станет», - сказал офицер. Он как в воду смотрел: «писарем» я и стал.

ОДНАЖДЫ УТРОМ я увидел, как в хату вошёл мальчишка в военной форме с тарелками в руках – принёс дежурному в штабе завтрак. Сидевший за столом майор скомандовал: «Кругом, шагом марш! Как надо докладывать по уставу?» Мальчишка вышел из хаты, затем постучал в дверь, зашёл и стал докладывать майору. Но тому снова что-то не понравилось, и он в третий раз заставил мальчишку повторить доклад. Мать и соседка переглядывались между собой, недвусмысленно осуждая майора. Тот перехватил их взгляд и, смягчив голос, сказал: «Пусть привыкает к дисциплине в армии. Он теперь тоже воин!» Мальчику

было лет 12-13. Родителей убили немцы, и он прибился к воинской части. Его определили на кухню. Он рубил дрова, топил печь, разносил пищу, выполнял много разных поручений. Когда позже в школе мы читали повесть Валентина Катаева «Сын полка», у меня перед глазами вставал этот мальчишка. Дошёл ли он с воинами до Берлина? Пощадила ли его война?

ЗИМОЙ моя жизнь оказалась под угрозой. Катаясь с горки в прохудившейся одежде и обуви, я сильно простыл и заболел. К вечеру температура подскочила за сорок, я почти задыхался. Мне становилось всё хуже и хуже. Кто-то из военных посоветовал матери обратиться в медсанбат. Он находился в конце деревни, в избе моей тётки Василисы. Мать понесла меня туда, и врач определил тяжёлое воспаление лёгких. Медсёстры уложили меня в постель, поставили на спину банки. Дышать стало легче. Я уснул. Постепенно здоровье восстанавливалось, но на улицу ещё долго мне запрещалось выходить.

ШТАБ ПОЛКА переехал в другое место. А в нашей избе поселились разведчики. В ночь они уходили на задания, а вернувшись, отсыпались, отдыхали, занимаясь своими делами. Один из разведчиков сибиряк очень душевно пел под гитару. Послушать его приходили медсёстры и наши соседи.

Однажды группа вернулась с разведки грустной и песни перестали звучать. Оказалось, разведчики напоролась на вражескую засаду. Один человек был убит, другой ранен в ногу. Товарищи вынесли их из-под обстрела. «Раненый будет жить, подлечат ногу в госпитале и снова станет в строй,- говорили разведчики. – Ну а за погибшего у нас свой счёт к фашистам». Девушки медсёстры плакали - одна из них потеряла жениха.

Кто-то из взрослых принёс новость: в доме у соседней появился молодой немец. Говорили, он перешёл линию фронта и добровольно сдался в плен. Мы, ребята, увидели его среди разведчиков. Он ничем не отличался от советских солдат. Только плохо говорил по-русски. Рассказывали: с нашими разведчиками он ходил за линию фронта, помогал добывать «языка». Кое-кто из немецких солдат начинал осознавать пагубность фашизма и помогал нашей армии.

КАЖДЫЙ ВЕЧЕР немцы обстреливали деревню. В наш маленький погреб набивалось человек 15. Дышать было тяжело. Дети плакали, женщины крестились. Артиллерийские снаряды и мины разрывались рядом с домом. Один из снарядов разбил возле погреба деревянную льномялку. Земля со стенок посыпалась на людей.

Чтобы уберечь гражданское население от обстрелов, решено было жителей эвакуировать дальше от линии фронта – на территорию Смоленской области. Сначала это была маленькая деревушка Паньково. Мы жили в блиндаже. Однажды в небе появились самолёты. «Не бойтесь, это наши самолёты, видны красные звёзды на крыльях», - говорили солдаты. Но самолёты развернулись над деревней, и послышался визг бомб. Мы укрылись в блиндаже. Раздался взрыв, блиндаж тряхнуло, он наполнился горьковатым запахом пороха и гари. Было сброшено ещё несколько бомб, и самолёты улетели. Люди не пострадали. Осколками убило только лошадь. Долго обсуждали этот случай. Что это было? Ошибка лётчиков?

Линия фронта проходила в пяти километрах – могли ошибиться. На войне, как видно, случались всякие ошибки и неожиданности.

Нас переселили в деревню Завидовка Красненского района. Подселили к одной семье. Зиму семья пережила очень тяжело. Стояли крепкие морозы. В хате было тесно и холодно. Я и брат болели гриппом. Старшую сестру с тифом поместили в госпитале за 20 километров от нас. Трудно даже представить, что пришлось выдержать матери.

ВЕСНОЙ семью эвакуировали еще дальше на Смоленщину – километров за 25 в деревню Лисово. Помню, как везли нас на машине, гружёной сеном. Я сидел на вершине высокого воза, обвязанного верёвками. Машина на ухабах качалась из стороны в сторону, я держался за верёвки, боясь, что она перевернётся. Река, которую мы переезжали через мост, мне показалась очень широкой. «Это Вихра, в неё впадает наша маленькая речка Городня,- объясняли потом мне сёстры. «А куда впадает Вихра?» - «В Сож» - «А Сож? – «В Днепр, а он впадает в Чёрное море». - «Значит, наша речка течёт в море?» - удивлялся я. Наверное, поэтому с детских лет мне очень хотелось увидеть Чёрное море, в которое впадает наша маленькая речка Городня. Так в те годы мы познавали географию.

МЫ ЖИЛИ в сарае, как и другие семьи. Спали на соломе, застеленной домотканым покрывалом. Укрывались износившимися одеялами. На костре варили похлёбку из ячменя или щи из крапивы и щавеля. Выручала корова. Её молоко помогало нам выжить в трудную пору войны.

Однажды с коровой случилось несчастье. Она оказалась на дне крутого оврага со сломанной ногой и не могла ходить. Вытащить её оттуда не было возможности. Раздавались разные советы, как поступить с ней. Но мать и мысли не допускала лишиться кормилицы в семье. Сельский дед, осмотрев повреждённую ногу коровы, порекомендовал: «Приносите ей траву, подкармливайте, чем сможете. Постепенно она окрепнет и сама выберется из оврага». Так и поступили. Каждый день мы носили ей траву и пойло в ведре. Опасались, чтобы на это место не наткнулись волки. Но всё обошлось. Однажды утром у сарая, где мы жили, раздалось мычание. Мы выбежали во двор. «Лыска» вернулась! Мы звали её так за светлое пятно во лбу. С её возвращением вернулась надежда на выживание.

ЛЕТОМ 1944 ГОДА с началом операции «Багратион», когда линия фронта стала быстро отодвигаться на запад, семье разрешили вернуться в родную деревню. Поля лежали изрытыми траншеями и окопами, усеяны осколками снарядов и бомб. У просёлочных дорог торчали деревянные столбики с надписями: «Осторожно, мины!» Неразорвавшиеся снаряды, гранаты валялись везде. Любопытство или неосторожность подростков порой заканчивалось трагедией. Два раза и я попадал со сверстниками в драматическую историю. Один раз мы нашли небольшую мину и соседский мальчишка, крутанув крылья стабилизатора, крикнул: «Ложись!» И бросил её в овраг. Раздался сильный взрыв, мы попадали на землю. Хорошо, осколки пошли в сторону от нас. Родители строго наказывали не брать в руки ни патронов, ни толовых шашек, ни других

опасных предметов. Но разве можно преодолеть любопытство? Мальчишки, да и взрослые получали увечья, становились инвалидами, а иногда и погибали.

НА ОКРАИНЕ ДЕРЕВНИ мы собирались для игр. У разбитой церкви возвышались холмики с крестами и звёздочками - здесь хоронили погибших в бою воинов. На некоторых деревянных обелисках были фотокарточки с фамилиями погибших. Однажды мы обратили внимание на блестящую металлическую пластину, торчащую в земле. Это была часть крыла самолёта. На нём были нацарапаны острым предметом какие-то слова на иностранном языке. Взрослые говорили: здесь в октябре 1943 года погиб какой-то иностранный лётчик. Кто он, откуда? – нам, мальчишкам, было неизвестно.

После войны всех погибших перезахоронили на большом кладбище недалеко от деревни Стефаново. Тогда стало известно: погибший лётчик – француз, воевавший вместе с советскими воинами.

В 1956 году в редакции районной газеты, где я тогда работал, стало известно, что в военкомат поступил запрос из Москвы: уточнить место захоронения французского лётчика Мориса Бона, погибшего в районе посёлка Ленино Горецкого района Могилёвской области.

Работники военкомата пригласили меня в поездку в деревню Стефаново и мы побывали на кладбище воинов. Французский лётчик был перезахоронен в отдельной могиле.

Линия фронта на рубеже Ленино – Дрибин держалась с осени 1943 года до начала операции «Багратион» /июнь 1944 г/. Здесь шли кровопролитные сражения. В боях под Ленино плечом к плечу с советскими воинами мужественно сражались французские лётчики из истребительного авиаполка «Нормандия». Они вылетали на боевые задания с аэродрома, расположенного у Дубровки Смоленской области.

Вот что пишет Герой Советского Союза, генерал-майор авиации Г. Захаров: «В октябре 1943 года ветераны «Нормандии» приняли участие в бою, который сегодня в историческом плане может рассматриваться как символ интернациональной дружбы народов, объединившихся в борьбе с фашизмом.

Лётчикам 303-й истребительной дивизии поставили задачу прикрыть наземные войска в районе населённого пункта Ленино. Я отдал приказ командиру «Нормандии» Пьеру Пуйяду, который в трудные дни июля заменил погибшего Жана Луи Тюляна, и «Нормандия» вылетела в указанный район на боевое патрулирование. Почему-то в этот день гитлеровцы особенно рьяно пытались бомбить этот район, и «Нормандии» пришлось работать с полной нагрузкой. Район был надёжно прикрыт, планы врага сорваны, несколько немецких самолётов врезались в землю, к большой радости пехотинцев, наблюдавших этот бой из траншей».

Французский лётчик Франсуа де Жоффри в своей книге «Нормандия- Неман» приводит некоторые детали боёв тех дней.

«Жанель вместе с Бегэном, Риссо и Боном выполняли задание по патрулированию. На высоте около 2500 метров они заметили группу бомбардировщиков «Пе-2», отбивавшихся от полудюжины «фоке-вульфов».

- Идём на выручку?

-Идём.

Бегэн, увеличив скорость, увлёт за собой ведомых, и они ввязались в бой. Русские обрадовались неожиданной помощи. Схватка продолжалась. Немцы маневрировали, кружились, уклонялись от боя, за исключением одного, который подбил Жанеля. «Як» вспыхнул. Жанель выпрыгнул с парашютом, но парашют оказался пробит пулями. Спуск скорее напоминал свободное падение. Жанель видел, как быстро приближается земля. Он постарался приземлиться как можно мягче, сжавшись в комок. Но при падении повредил себе позвоночник и потерял сознание. Он пришёл в себя, уже находясь на броне русского танка. Его вывезли в военный госпиталь в Сокольниках, где он потом поправился».

Но не обошлось без потерь.

« Сначала не возвратился Сен-Фалль, вылетевший на своё первое задание. На следующий день не вернулись Бегэн, Бон и Дени. Впоследствии выяснилось, что Дени и Бон действительно погибли. Но Сен-Фалль и Бегэн были только ранены».

Погибший лётчик Морис Бон был похоронен в моей родной деревне Городец, недалеко от места сражения. После войны его останки были перезахоронены на воинском кладбище у дороги, ведущей в посёлок Ленино. Затем останки смелого лётчика его родители перевезли на родину во Францию.

« Ни сам я, ни командир «Нормандии», ни французские лётчики не знали тогда, что прикрывали мы польскую дивизию, которую командование ввело в бой на этом участке, - отмечает командир 303-й авиадивизии Г.Захаров. - Ну а бойцы этой дивизии, с восторгом встречая каждый сбитый фашистский бомбардировщик, конечно, не подозревали, что это работа французских лётчиков». После успешных боёв в Белоруссии и Литве авиаполк стал называться «Нормандия – Неман».

КОНЕЦ ВОЙНЕ! Этот долгожданный день детская память запечатлела на всю жизнь. Мы играли в лапту на околице деревни, когда приехал представитель из районного центра и сказал: «Война закончилась. Мы победили!»

Ни радио, ни телефонов тогда не было. Ребятишки, как вестовые, понесли от дома к дому. И тотчас стали собираться люди в центр деревни. Солнечный майский день стал ещё ярче от радостных лиц и улыбок. Появилась чья-то гармонь, вспыхнули песни. Женщины и улыбались, и смахивали слёзы. Появилась надежда на скорое возвращение с войны мужей, сыновей, дочерей.

Но вернулись единицы.

Вся тяжесть по возрождению разрушенного войной хозяйства легла на плечи женщин и детей. Помню, как 16-летняя сестра вместе с женщинами ходила за 20 километров в районный центр за семенами ячменя и пшеницы для посевов в колхозе. Они уходили рано утром, пока ледок сковывал переправы на речках, а возвращались к вечеру, уставшие и мокрые, с мешками зерна на плечах.

Лошадей в деревне были единицы. От недостатка кормов они были тощие и слабые. Они еле тащили плуг, вспахивая поля. Приусадебные участки люди вскапывали лопатами или, объединившись семьями, впрягались в плуг. Им помогали мальчишки.

Еды не хватало. По весне в оттаявшей земле собирали остатки перемерзшей картошки / мы называли её гнилушками/ и, раздавив в тестообразную массу, пекли лепёшки и сушили сухари. Их запах отдавал землёй. Но удивительное дело: они казались очень вкусными с молоком.

Вдоль деревни, где в грязи застревали машины и подводы с лошадьми, военными была проложена мощёная брёвнами дорога. Сельчане, жившие в землянках, разбирали с мостовой брёвна и строили избы – строевого леса вблизи не было.

На полях таились неразорвавшиеся мины и снаряды. Когда поступили первые тракторы, то с одной, то с другой деревни поступали вести: во время вспашки земли трактор наехал на мину – война продолжала убивать и калечить людей.

В маленькой непригодной хате дети сели за парты. Первой книжкой, запавшей в душу, была повесть Елены Ильиной «Четвёртая высота» - о подвиге в годы войны Гули Королёвой, 20-летней комсомолки. Она добровольцем ушла на фронт медсестрой, вынесла с поля боя более ста раненых воинов. В одном из сражений, когда погиб командир, девушка подняла подразделение в атаку. Она героически погибла в ноябре 1942 года под Сталинградом.

Чтение стало увлечением. При коптилке, сделанной из артиллерийской гильзы, мы читали вечерами «Василия Тёркина» Александра Твардовского, «Молодую гвардию» Александра Фадеева и много других книг. Осталась в памяти книга на белорусском языке «Никогда не забудем». В ней дети, спасённые советскими воинами, рассказывали об ужасах, которые им пришлось пережить в лагерях смерти.

С 5-го по 10-й класс мы ходили в школу за семь километров. В морозы и пурги, в дождь и слякоть. В плохой одежде и обуви. Но над нами не сыпались бомбы, не разрывались снаряды. Летом во время каникул школьники работали рядом с взрослыми в колхозе – косили и возили сено в стога, убирали зерно на токах. Ходили в лес за ягодами и грибами. И находили время сбегать в школу, взять в библиотеке книги для чтения. Они открывали бездну любопытного. Мы делились друг с другом прочитанным, и это расширяло наши знания о мире.

Жизнь постепенно налаживалась. Люди из окопов переселились в избы. Города и сёла были восстановлены из руин. А мы, дети военных лет, вступили в новую пору жизни. Окончив школы, поступали в институты или шли работать на предприятия.

ДВЕ ДАТЫ - 22 июня 1941 года и 9 мая 1945 года навсегда вписаны в историю страны и нашу память. Четыре года, заключённые между ними, потребовали невероятного напряжения сил и мужества людей. Советский народ всё выдержал и превозмог, одержав Победу над фашизмом.

На земле установлено много памятников, монументов, мемориалов. Они напоминают об огромных жертвах людей. Но ничто не помогает положить конец конфликтам и войнам на планете. Причина - в амбициях политиков, в стремлении подчинить своей власти других, в жадности, в экономическом неравенстве, в расовой и религиозной ненависти. Печально сознавать, что люди, не испытывавшие

ужасов войны, затевают новые вооружённые конфликты, манипулируют сознанием людей, вносят раскол между народами. В девяностые годы были посеяны семена разрушений, цинизма и скептицизма. Делались попытки исказить события в годы войны, принизить победу народа, разрушить признанные оценки исторических сражений, роль полководцев. Подвиги героев были подвергнуты сомнению, а порой и осмеянию.

Сплочённость, терпеливость, мужество народа помогли нашей стране выстоять в годы Великой Отечественной войны. Эти качества молодое поколение должно взять в наследство, чтобы обеспечить мир и будущее страны.

Михаил Жилин.

Белоруссия – Россия.-0-

ХРАБРАЯ БЕЛОБРЮШКА

На небольшом острове Верхотурова в Беринговом море я находился уже две недели, обошёл его вдоль и поперёк, но не догадывался, что на нём живут белобрюшки.

Шумные и многочисленные колонии чаек и кайр сразу бросаются в глаза. Топорики выделяются ярко-красными клювами и перепончатыми лапками. Бакланы привлекают внимание длинными шеями и чёрным, как у монахов, одеянием. А белобрюшки незаметны. Они небольшого роста, молчаливы, гнездятся рассредоточенно в щелях среди камней. К тому же, как утверждают учёные, эти птицы ведут сумеречный образ жизни. Днём сидят в гнезде под камнями. А на рассвете и с наступлением сумерек слетают в море, где кормятся мелкими рачками и другой водной живностью. В это время их чаще всего и можно увидеть.

Но в этот день птицы, казалось, решили опровергнуть сложившийся о них мнение.

С утра я сидел в «засидке» - маленькой палатке и наблюдал за поведением чаек, кайр, топориков. Низко висевший туман растаял, и земля в океане преобразилась под тёплыми солнечными лучами.

И тут я увидел стайки птиц величиной вдвое меньше голубей. Белые брюшки и тёмно-коричневые фраки подчёркивали, что птицы состоят в родстве с кайрами. Вот только нос подкачал. В отличие от острого и длинного клюва кайры, у белобрюшки он маленький, чуть вздёрнутый кверху. Белой пуговицей выделялись глаза, от которых к затылку тянулись такого же цвета нити.

Трудно сказать, что заставило птиц вылезть на поверхность в дневное время. Тепло ли, сменившее длительные холода, или другие причины, но только белобрюшки вели себя довольно активно. Они группировались в стайки, перелетали с камня на камень, тихо переговаривались между собой.

Белобрюшки, как и кайры, гнёзд не делают. Единственное яйцо откладывают в скалистых щелях прямо на камень или землю. Облюбовав место для жительства, они очень привязаны к нему, прилетают сюда из года в год.

Считается, что белобрюшка – птица кроткая, миролюбивая. Её курносый нос опасности ни для кого не представляет. Драк между этими птицами не отмечено. А

вот их иногда обижают соседи – то крупная морская чайка ограбит, утащит яйцо, то топорик вытеснит из облюбованного места. Потому и не любит белобрюшка забияк. Увидит приближение птиц с острыми клювами, сразу улетает подальше от них.

Но на этот раз я стал свидетелем сцены, опровергшей её боязливость. Маленькая белобрюшка проявила чудеса храбрости при встрече с кайрой – птицей вдвое больше её.

Среди скалистых осыпей высоким постаментом возвышалась каменная плита. Судя по белым полосам помёта, птицы часто отдыхают на ней. Отсюда хороший обзор окрестностей. Белобрюшка приземлилась на вершину камня. Огляделась вокруг. Заметив сидящего вдали на скале топорика, насторожилась, Но видя его равнодушный вид, успокоилась.

И вдруг перья белобрюшки взвихрились от потока воздуха. На посадку, словно вертолёт, шла кайра. Вытянув перепончатые лапки-шасси, она тормозила крыльями, часто-часто махая ими. Приземление кайры ничуть не смутила белобрюшку. Она продолжала спокойно стоять на краю камня. Кайра немного подвинулась к ней. Белобрюшка усмотрела в этом посягательство на свою территорию. Она с возмущением подняла голову. « Неужели мало места на камне? – казалось, говорил её вид. – Я ведь на самом краешке стою».

Кайра попыталась взять её на испуг. Вытянув длинную шею, она зашипела. Но соперница ничуть не дрогнула. Она смело приняла вызов и что-то проверещала в ответ.

Тогда кайра сделала ещё один шаг к ней, кивая длинным клювом и, таким образом, пытаясь психологически воздействовать на непокорную соседку. Но не тут-то было! Белобрюшка не подвинулась ни на сантиметр. Гордо выпятив грудь, она смело отстаивала своё право на занятое место.

От изумления кайра аж клюв раскрыла. «Да-а, маленькая, но удаленькая!» - казалось, говорил её вид.

Птицы стояли грудь в грудь, демонстрируя свою неуступчивость. Не знаю, чем закончилось бы это противостояние, но раздался тревожный крик тихоокеанской чайки. Над камнем взметнулась тень морской разбойницы и обе птицы – кайра и белобрюшка улетели в разные стороны.

Минут через десять я снова увидел храбрую белобрюшку. Она вернулась на свой камень в окружении подружек. Гордо возвышаясь, она часто-часто о чём-то верещала. Было такое впечатление, что она рассказывала, как ей удалось выдержать натиск и противостоять кайре.

Время подходило к обеду. Сидевшие на камнях стайки белобрюшек постепенно стали куда-то исчезать. Я так и не понял: улетели они в море кормиться или скрылись под камнями, где находились их квартиры.